

Перепелица О.Н. Медиумы просвещения: обценные отклонения /
О.Н. Перепелица. – Харьков: Харьковский национальный университет
им. В. Н. Каразина, 2014. – 260 с.

ВЕЛИЧИЕ ЭПОХИ И ПЕРВЕРСИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗА ПОРОГОМ ИНТИМНОГО...

За каждой исторической эпохой возникает тень призрачных «медиумов», соединяющих между собой миры разума и безумия, гуманности и жестокости, нравственных императивов и безудержных инстинктов. Трагичность человеческого бытия в том и состоит, что изолировать эти миры друг от друга раз и навсегда не удавалось, и едва ли это окажется возможным, каждому поколению людей, вступающих на свой путь истории с надеждой победить этих самых «медиумов», перверсирующих идеалы христианской этики и духа просвещения.

Эволюция цивилизации, оказавшейся перед решающим экзистенциальным выбором в нынешнее время, все же побуждает философское мышление открыть и насколько это возможно расширить горизонт рефлексивного видения проблемы «обценных отклонений» в природе человека, которые вопреки (а может, впадая в абсурд, и благодаря) разуму просвещения обозначили его финитную перспективу. С этой точки зрения автор, предлагаемой вниманию читателей монографии, предпринял напряженные творческие усилия, чтобы проникнуть за тот ментальный барьер, за которым скрывались и продолжают таиться тени нашего сознания, отмеченные «археологическими срезами» и «трансверсальными сдвигами» (М.Фуко) эпохи Просвещения.

Первое, что предлагает автор читателю, следует позиционироваться в философском плане, принимая топический принцип концептуализации философии с тем, чтобы обрести номинадическую свободу и в «самопредставлении просвещения» и ориентироваться в нем «между свободой непристойного и непристойностью свободы». В этом не следует усматривать авторское насилие к принуждению мыслить так, а не иначе. В противном случае читатель не сможет рассмотреть открывающееся перед

его взором «поле раздора», образующееся из «сплетающихся в медиальную ризому язык, деньги и секс». Судя по всему, проекцией этого поля является порнография, на «территории которой решается судьба свободы».

Современно мыслящий читатель, критически реагирующий на порнотворимую действительность, в которую вовлекаются наиболее чувствительные сферы социальной жизни, вполне мог бы поддержать позицию автора: «В порнографии свобода слова, сексуальная свобода и свобода рынка вытягиваются в полный рост, доходя до непристойности: в виде совмещающихся в различных комбинациях гиперсексуализированного языка, гиперкоммерциализированного секса гиперсигнифицированного капитала. Именно здесь мы видим, как медиумы знакового (язык), экономического (деньги) и симпатического (секс) обмена совмещаются в одном непристойном медиальном потоке, разыгрываются на одной сцене» (с.8).

Итак, «поле раздора» медиумов – двойников философа («тиранов и софистов, полицейских и журналистов»), стремящихся властвовать над непристойным, сосредоточено («территориоризовано») «на одной сцене» в одном топосе. А как утверждал Аристотель, каждый топос несет в себе какую-то силу (Аристотель. Физика. Кн.IV, 208 b10-11). В данном случае, думаю, что силу воображения. Именно она позволяет автору развернуть топические концепты философии известных мыслителей в самых образных представлениях, подчеркивая их общность хайдеггеровской интерпретацией мысли Гегеля о том, что философия есть мир навыворот: «Он хочет сказать, что по отношению к тому, что нормально для нормального человека, она воспринимается как извращение, но по существу есть выпрямление человеческого бытия» (с. 23).

После прочтения первой главы монографии у меня сложилось убеждение в том, что теоретико-методологические позиции автора, выражаясь языком постмодерна, трансверсальны, а это значит, что он, следуя Гуаттари, готов "с самого начала взять на себя риск конфронтации с бессмыслицей, смертью и инородностью" и, добавлю, конечно же, с медиумами просвещения, обнажая их сущность и заключая в контекст непристойности.

Автор, проникая в Величие эпохи Просвещения через шаткие мостки ее духовных изъятий, не теряет собственного философского равновесия суждений и оценок, отстраняясь тем самым от "философского шума "отточенным и смыслонаполненным дискурсом: "... Чтобы не следовать такой "барабанной" философии не от мира сего, стоит предложить философии более скромную миссию – увлечься самим местом, из которого оно говорит, давая сбываться истине. Но это и значит следовать фундаментальным принципам философии, среди которых удивление, сомнение и усугубление здесь - бытия" (с. 51). И если удивление еще как-то присутствует в современных философских текстах на фоне вялого, и почти безликого скепсиса относительно нигилирующего бытия, то само бытие усугубилось в своем положении относительно местопребывания в нынешней эпохальной ойкумене настолько, что человеческое Dasein похоже утратило точку опоры, то «место», где можно теперь поставить вопрос о смысле бытия, оказавшегося на пороге "разрушающегося дома".

Поэтому столь драматична и актуальна как никогда, мысль о «бездомном философе»: «Образ бездомного философа, которого мы застаем в том или ином месте, должен быть наделен особыми атрибутами, определенными знаками, предметами, отличительными чертами, своим инструментарием...» (с.52). Заметим, и если все это "имеет место" у философствующего, то не иначе, как от Бога! Сожаление вызывает лишь то, что "философия, которая вне дома, может представляться, разыгрываться..." и даже "освещаться факелом просвещения", в то время как современная доместицированная (одомашненная интеллектуалами и политиками) философия пребывает в отблесках пролога к мировой войне. В том то и Величие эпохи Просвещения, что ее образы революционного порыва, преодолевающие преграды консерватизма, пуританства и интимного внутреннего заточения, открывали

горизонт перспективы общественного развития на новых критериях его социального и личностного усовершенствования. Наша же эпоха оказалась не отзывчивой на разноголосые предостережения наиболее пронизательных мыслителей о грозящей возможности вообще утратить будущность цивилизационной поступи за черту туманной сингулярности.

Упомянутый автором концепт *difference* на (с.51,52,162,181,182) надо полагать в контекстной связке *difference et repetition* «гетерогенности и соединения» Делёза) важен не только для понимания перцептивно-концептного движения (от воображаемого к символическому) важнейших элементов мироощущения в новом онтологическом русле, но и для внесения темпоральной характеристики места истечения философствования, "овремениения здесь-бытия". А иначе едва ли бы удался авторский замысел построения сюжетной линии в "смещении от этоса к эпохе и обратно", "параллаксируя от перцептов к концептам, от анекдота – к истории, от прошлого – к настоящему" (с.12).

Ставя проблему поиска ответа на вопрошание "Что есть просвещение?", очевидно, что рефлектирующий взгляд философа должен "параллаксировать", как и предлагает автор, между двумя оценочными аспектами – актуальностью исторической ретроспективы эпохи-просвещения и актуализацией процесса-просвещения, вплоть до выяснения причин «деструктивного когнитивизма» интернета. В чем суть проблемы? В этическом смысле – ныне как-то стало не модно говорить о роли просвещения, априори принимается тезис о всеобразованности, подразумевая, конечно, и достаточность культурного уровня развития, хотя вокруг бездна серости и ограниченности. В философско-политическом смысле – современная концепция "гражданского общества" превращена в разменную монету, если угодно, в девальвирующий медиум, между политиками и олигархическим капиталом, заключившими "пакт о ненападении". Все известные инновационные технологии (реформы) модернизации социально-экономического устройства развивающихся государств растворились в геополитическом пространстве, которое постоянно деформируется волнами кризисов и нарастающим напряжением между «полюсами» силового влияния". Поэтому мне представляется, что авторское видение этой проблемы с высоты медиальных вершин Просвещения поз-

волит снять многие аберрационные эффекты, унаследованные общественным сознанием в виде тоффлеровских «сдвигов власти», если, конечно, действующие персонажи на политической арене проявят не только демиургическую (а не демоническую!) «волю к власти», но и аналитические способности к ответственному пониманию последствий дальнейшего «усугубления бытия». Все, что написано по этому поводу в монографии (в части реанимации роли и значения просвещения), я бы привел к «общему знаменателю», высказанному М. Хайдеггером: «Век образования идет к концу не потому, что необразованные приходят к власти, а потому, что становятся видны знамения такой эпохи мира, когда достойное вопроса снова открывает двери к существованию всех вещей и судеб» (Хайдеггер «Наука и осмысление», «Время и бытие», С-Пб., 2007, ст. 349).

Интересен подход автора к философско-концептуальной экспликации проекций просвещения. Выделяя пять топических «э» (эпистемологическое, этическое, эстетическое, экономическое и эротическое) в качестве «ситуативных перспектив» рефлексивного взгляда на просвещение, он стратифицирует их по параметрам истинности и обнаруживает в континууме социальных отношений характерные сингулярности их деформаций – «метафизические разрывы», которые проявляют себя на онтологическом, социологическом и историологическом уровнях. В итоге открывается многоаспектный, интеллектуально - напряженный дискурс, прочтение которого доставляет креативное удовлетворение от многообразия «непрозрачных, неочевидных переходов от части к части», что требует постоянного внутреннего диалога с автором, быть с ним на полемической волне.

Заключительная четвертая глава во многом воспринимается вовсе не отстраненно от основного содержания монографии, как может показаться при первом знакомстве, а в метафорически насыщенной и откровенной переинтерпретации обозначенных ранее медиумов просвещения, но уже за порогом интимного, где происходит собственно то, что я бы назвал «раскодированием секса». Эта тема давно уже в лотерее публичных игр сорвала «джек-пот» и о ней не говорит разве что ленивый .... Но как? Банально, утилитарно – утрированно, инструментально, рекламнопоказательно, примитивно – потребительски, извращенно-надуманно, спонтанно-безудержно и просто к

слову, поддерживая шопинг-сленг, утонувшего в сексе бомонда. А это близко к тому, что в психоанализе называют симптомом, по крайней мере, в части наличия в этой вербальной какофонии сексуального фетишизма, табуирования критического отношения к перверсиям сексуального характера и фобии оказаться несексуальным (-ой). Согласно Лакану, фетишизм – это основа любой формы перверсии. Он фиксирует разъятие, симметричное фобии: это разъятие – более или менее доступное социализации, более или менее принудительное и ненавистническое (т. е. работающее на ненависть, производящее ненависть как нечто ценное и приносящее наслаждение). Все это можно прочесть на авторском языке насыщенных образов, переведенных на палитру порнографического воспроизведения сюжетов Просвещения и современного жанра. Как утверждает К.Рабан, «Табу, фобия, фетишизм и все их сложные взаимодействия свидетельствуют о том, что сексуальность как записанное в бессознательном наслаждение, навсегда остается чем-то священным, а потому – непосредственным и даже жизненно опасным, по крайней мере, для мысли» (К. Рабан «Разрывы в метафоре: табу, фобия, фетишизм»).

Вопросы философии, № 12, 1993 с.50). Но эта триада образует не только разрывы в метафоре передачи, переноса знаний, умений, способностей и пр., простираясь до оснований метафизических разрывов, упоминаемых в монографии, но и представляет не что иное, как дифференциал обычного симптома, тот *difference*, который, обретая философскую концептуализацию, последовательно и углубленно раскрывается через медиумы обценных отклонений автором монографии. Так мне удалось пройти путь по головокружительным тропам этого захватывающего своим стилем и содержанием произведения от Фрейда до Фромма. Авторские же изыскания, как я думаю, значительно ризоматичнее, я бы сказал – много лабиринтнее, чем узорчатое оглавление, увлекающее коснувшуюся его мысль. Что же касается заключения, то оно оставляет простор для пытливого ума, который жаждет духа просвещения.

В.Н.Петрушов,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Украинской государственной академии железнодорожного транспорта